

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1803](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1803)

В. М. Пешкова

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕТСТВО. ЧАСТЬ I: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Правильная ссылка на статью:

Пешкова В. М. Транснациональное детство. Часть I: постановка вопроса и обзор основных теоретико-методологических подходов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 451—467. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1803>.

For citation:

Peshkova V. M. (2021) Transnational Childhood. Part I: The Review of Theoretical Approaches and Formulation of the Research Question . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 451–467. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1803>. (In Russ.)

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕТСТВО. ЧАСТЬ I: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕ- ТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

*ПЕШКОВА Вера Михайловна — канди-
дат исторических наук, старший науч-
ный сотрудник, Институт социологии
Федерального научно-исследователь-
ского социологического центра Россий-
ской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: pever@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>*

Аннотация. Статья содержит поста-
новку вопроса и обзор основных
теоретико-методологических подхо-
дов к изучению места и роли детей
мигрантов в современной междуна-
родной миграции. Понятие «дети ми-
грантов» охватывает не только тех, кто
приехал вместе с родителями, но и тех,
кто остался в отправляющей стране.
Это актуализирует вопрос о том, как
международная миграция в Россию
влияет на детей мигрантов «здесь»
и «там», как трансформирует понима-
ние и практики детства и каким обра-
зом влияет на миграцию их родителей
и миграционную ситуацию в целом.
Общей теоретической рамкой для из-
учения места и роли детей в миграции
выступает антропология и социология
детства. Отмечена необходимость при
изучении детей мигрантов и их детства
исходить из того, что дети, так же как
и взрослые, — активные субъекты
современной транснациональной ми-
грации. В связи с этим роль и место
детей мигрантов предлагается изучать
в контексте такого понятия, как «транс-
национальное детство». В статье при-
водится описание основных направ-
лений исследований детей в условиях
международной миграции. Среди них

TRANSNATIONAL CHILDHOOD. PART I: THE REVIEW OF THEORETICAL AP- PROACHES AND FORMULATION OF THE RESEARCH QUESTION

*Vera M. PESHKOVA¹ — Cand. Sci. (Hist.),
Senior Research Fellow
E-MAIL: pever@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>*

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the for-
mulation of a research question and re-
views main theoretical and methodolog-
ical approaches to the study of the place
and role of children in modern interna-
tional migration. The concept of “children
of migrants” covers not only those who
came to a new country with their parents,
but also those who remained in a send-
ing country. This raises the question of
how international migration to Russia
affects the children of migrants “here”
and “there”, how it transforms the un-
derstanding and practices of childhood,
and how it affects the migration of their
parents and the migration situation in
general. The theoretical framework for
the study is anthropology and sociology
of childhood. When studying children of
migrants and their childhood, we em-
phasize the need to proceed from the
fact that like adults, children are active
subjects of modern transnational migra-
tion. In this regard, we propose to study
the migrant children in the context of
such a concept as “transnational child-
hood”. The article overviews the follow-
ing research on children in the context
of international migration: studies of
generations, structural characteristics
of childhood in the context of migration,

исследования поколений, структурных характеристик детства в условиях миграции, практик воспитания в транснациональных социальных контекстах, распределения родительских ролей, поддержания семейных связей и организации заботы на расстоянии, изучение влияния переселения на благополучие семей мигрантов, а также образования детей мигрантов и их интеграции в стране миграции. Настоящая статья — первая часть текста, посвященного транснациональному детству в России. Во второй части, запланированной к публикации в одном из следующих номеров журнала, приводятся результаты полевого исследования роли и места детей в миграции из Средней Азии в России.

Ключевые слова: международная миграция, трудовая миграция, дети мигрантов, транснационализм, транснациональные социальные пространства, транснациональное детство

practices of upbringing in transnational social contexts, sharing of parental responsibilities, the maintenance of family ties and arranging care at a distance, the impact of resettlement on well-being of migrant families, as well as education and integration of migrant children into a recipient society. The article is the first part of a paper devoted to transnational childhood in Russia. Its second part is scheduled for publication in one of next issues of the journal and presents the results of a field study on the role and place of children in migration from Central Asia to Russia.

Keywords: children of migrants, Central Asia, labor migration, transnationalism, transnational social spaces, transnational childhood

Постановка исследовательского вопроса

Конец мая 2015 г. Рейсом Москва — Ош направляюсь в свою первую научную командировку в Среднюю Азию. Самолет вместимостью 200 с лишним человек полон. Примерно 25%-30% пассажиров составляют дети самых разных возрастов. В некоторых семьях по трое-четверо детей. Спрашиваю стюардессу, как обычно проходят рейсы между Москвой и Ошем: как часто среди пассажиров бывают дети и сколько их на рейсах между Россией и Кыргызстаном. Оказалось, что подобные перемещения детей — рядовое явление, особенно для летнего периода. Иными словами, одновременно с миром трудовых мигрантов со своими задачами и проблемами существует мир детей мигрантов, которые, так же как и взрослые, перемещаются между странами. Однако статистика и миграционные исследования не уделяют этому вопросу специального внимания. Начнем со статистики.

На протяжении последнего десятилетия на территории России находилось одновременно 10—11 млн временно пребывающих иностранных граждан. Максимальное число иностранцев пришлось на летне-осенний период 2013—2014 гг. — 11,4—11,8 млн человек [Ежемесячный мониторинг..., 2019: 61]. Более 80% от них составляют граждане стран СНГ, главным образом представители Украины и стран Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан), причем

на последних приходится почти половина всех временных внешних мигрантов (на лето 2019 г. 4,3 млн) [Ежемесячный мониторинг..., 2019: 39—40]. Поскольку это преимущественно трудовые мигранты, основными центрами их притяжения являются российские регионы, где есть рабочие места.

Для прошедшего десятилетия также характерен постепенный рост доли женщин-мигрантов: если среди мужчин 32,1% прибыли после 2013 г., то среди женщин — 40,6%, причем каждая пятая женщина — вдовая или разведенная [Мукомель, 2017: 71]. Данные Главного управления по делам миграции МВД, ведущего в настоящее время миграционную статистику, к сожалению, не содержат актуальных сведений о половозрастном составе мигрантов. В связи с этим обратимся к статистике Федеральной миграционной службы РФ, реализовывавшей государственную политику в сфере миграции в 2012—2016 гг. и собиравшей подобную информацию. Согласно ФМС, наибольшая доля женщин-мигрантов приходится на Беларусь и Казахстан, затем с небольшим отрывом идут Украина и Кыргызстан.

Феминизации миграции сопутствует и рост переселений с детьми [Александров и др., 2012: 49]. Причем доля женщин, находящихся в миграции с детьми, почти в десять раз выше при условии совместного выезда с мужем [Женщины-мигранты..., 2011: 34]. Но прежде чем привести статистические данные о количестве детей, укажем, что возрастные границы детства различаются в зависимости от культурного и юридического контекста. Если следовать определению Конвенции по правам ребенка, в среднем каждый девятый временно пребывающий на территории России иностранный гражданин — ребенок¹. В зависимости от страны происхождения доля детей варьируется. Наибольшая доля детей среди мигрантов из Кыргызстана и Казахстана, наименьшая — из Молдовы и Узбекистана. Если сравнивать страны Средней Азии, откуда идет основной поток трудовой миграции, на первом месте окажется Кыргызстан (почти каждый шестой мигрант — ребенок), на втором Таджикистан (каждый восьмой — ребенок) и, наконец, Узбекистан (6% — мигранты в возрасте до 17 лет) (см. табл. 1).

Таблица 1. Половозрастной состав иностранных мигрантов в России, 2013—2016 гг.

Страны	Численность иностранных граждан, чел.				Доля женщин, %				Доля мигрантов в возрасте до 17 лет, %			
	2013 янв.	2014 окт.	2015 нояб.	2016 апр.	2013 янв.	2014 окт.	2015 нояб.	2016 апр.	2013 янв.	2014 окт.	2015 нояб.	2016 апр.
Армения	377757	528699	504971	471969	37,4	30,3	32,8	34,3	10,0	13,5	11,8	12,1
Азербайджан	591849	615609	532321	518819	33,4	31,9	34,2	34,7	14,2	14,2	14,2	13,1
Беларусь	309593	489365	634861	653593	35,0	41,6	43,5	43,4	7,0	11,5	13,0	12,7
Казахстан	537992	583799	685841	622142	43,8	41,8	40,8	36,7	13,4	17,2	17,0	15,6
Молдова	527360	2593952	517692	477949	33,1	33,4	34,6	35,3	5,6	8,4	9,1	8,8
Кыргызстан	540406	553675	526502	574194	40	38,8	39,5	38,8	10,2	17,3	19,0	16,8
Таджикистан	1019696	1152721	933155	878536	17,5	15,4	17,1	17,2	7,5	13,3	13,3	12
Узбекистан	2294397	2455274	1943384	1755781	18,3	17,3	18,8	18,7	4,6	7,0	7,4	6,2
Украина	1334653	585912	2566377	2487408	37,1	41,4	40,8	41,7	5,6	14,2	14,1	13,4

*Источник: данные ФМС РФ.

¹ Согласно Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 г., «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 26.08.2021).

Отсутствие официальной статистики о семейном статусе мигрантов и количестве детей, в том числе находящихся с ними в миграции, частично компенсируется данными различных социологических обследований. Согласно исследованию мигрантов в Москве 2014 г., только каждый пятый проживал со своими детьми. Таким образом, в среднем на 10 мигрантов, работающих в Москве, приходилось 1,3 ребенка [Зайончковская и др., 2014]. Эти данные переключаются с результатами другого исследования, согласно которому у большинства мигрантов из Средней Азии есть дети (в основном два-три ребенка в семье), но с детьми в миграции находится чуть более 20%: с одним ребенком — 11,6%, с двумя детьми — 6,8%, с тремя или четырьмя — 4,1% [Деминцева, Пешкова, 2014].

Однако понятие «дети мигрантов» охватывает не только тех, кто приехал вместе с родителями, но и тех, кто остался на родине. Дети, так же как и родители, включены во множественные социальные и экономические сети, пересекающие национальные границы, что создает разнообразие транснациональных практик, в которых члены семьи могут участвовать в определенные периоды времени по разные стороны границ. Иными словами, дети «здесь» и «там» являются одной из принципиальных составляющих транснационального социального поля современной международной миграции [Levitt, Schiller, 2004; Vertovec, 2009: 66—69] и попадают в область интереса и миграционных исследователей, и исследователей детей и детства.

Возникает вопрос: а как трудовая миграция в Россию влияет на детей мигрантов — тех, кто остается в отправляющей стране, и тех, кто находится в России? Как она трансформирует понимание и практики детства? И, наоборот, каким образом дети «здесь» и «там» влияют на миграцию их родителей? Моя задача — обратить внимание на место и роль детей мигрантов на примере наиболее многочисленной трудовой миграции из Средней Азии в Россию. Основная идея статьи в том, чтобы показать, что дети, как и их родители-мигранты, включаясь во множественные социальные и экономические сети, которые пересекают национальные границы, создают новые или усиливают существующие транснациональные социальные пространства и определяют современную миграцию в Россию как транснациональную,

Теоретико-методологические подходы к исследованию детей мигрантов и транснационального детства

Общей теоретической рамкой для изучения места и роли детей в миграции считается антропология и социология детства, начало которой было положено в работах французского историка повседневности Ф. Арьеса в 1960-е годы [Арьес, 1999]. Его основное положение состоит в том, что детство, а значит, и теоретические представления о воспитании, и практики воспитания детей — социальное явление, различающееся в разных культурных и исторических контекстах. В 1970-е годы произошел методологический поворот: детей стали воспринимать как людей, имеющих права, а не только как объект воспитания [James, Prout, 1997: 8]. Ключевые характеристики новой парадигмы: детство — это социальная конструкция; детство — такая же единица социального анализа, как класс, гендер, этничность; к изучению детства следует подходить из собственной логики анали-

за, а не из перспективы взрослых; дети — активные акторы в конструировании социальной жизни, причем не только собственной, но и жизни общества вокруг.

Хотя проблематика детей существует в миграционных исследованиях практически столько же, сколько и сами исследования, тем не менее долгое время она рассматривалась как что-то второстепенное, сопутствующее миграции взрослых индивидов, преимущественно мужчин как главных движущих сил миграции, а сами дети, как правило, представлялись жертвами и иждивенцами. Переход от исследования отдельных мигрантов, чаще всего мужчин как экономически мотивированных агентов, к женщинам и детям, а также в целом к семье и домохозяйству как единице миграционных исследований, ознаменовал и появление транснациональной парадигмы в области исследований миграции с начала 1990-х годов [Seeberg, Goździak, 2016].

Постепенно произошел переход от определения детей преимущественно как жертв или как средств осуществления миграции к признанию их субъектности, интерсекциональности и перформативности [Hart, 2008; Skelton, 2007; Huijismans, 2011; Punch, 2012]. В то же время ряд исследователей призывает не преуменьшать и значение структурных факторов, определяющих агентскую деятельность. К ним, помимо собственно родителей и семьи в целом, относят культурный и социальный контекст, в том числе определяемый культурой уровень родительского контроля, социальную политику отправляющего и принимающего государств, миграционную политику в целом, условия получения гражданства, гендерное измерение и т. п. [Radziwinowiczovna, 2014].

Обзор англоязычных миграционных исследований показывает огромное разнообразие и сложность детской миграции и, соответственно, проблематики детей в условиях международной миграции. Начнем с того, что нет единого определения миграционного статуса несовершеннолетнего. В некоторых странах принято считать ребенка мигрантом, если его/ее бабушка по материнской линии родилась в иной стране. В одном из масштабных межстрановых исследований школьников PISA (Programme for International Student Assessment) мигрантом считается ребенок, оба родителя которого родились за пределами данной страны. В США мигрантами считаются те, у кого хотя бы один из родителей родился за пределами США [Александров и др., 2012: 17].

Достаточно широкое распространение получил поколенческий подход. Разделение на поколения проблематизируется в первую очередь при изучении различий в темпах и способах адаптации и интеграции [Rumbaut, 2004; Portes, Rumbaut, 2001; Portes, Zhou, 1993]. Например, мигранты в США делятся на несколько поколенческих групп в зависимости от возраста прибытия в страну. Принадлежность к поколению в свою очередь определяет опыт и степень адаптации [Rumbaut, 2004: 1169]. Кроме этого, следует учитывать различное время начала миграции и размер волны миграции [ibid.: 1199], что вполне актуально и для ситуации с внешней миграцией в Россию.

Нам ближе подход, согласно которому вместо «поколения» предлагается использовать понятие «детство», а дети рассматриваются не как пассивные «взрослые в процессе становления», а как агенты со своими собственными планами и взглядами [Seeberg, Goździak, 2016]. Причем многие дети сами не являются

мигрантами, но, участвуя в сетях поверх границ, часто играют центральную роль в транснациональной миграции членов их семей [Tyrrell, Kallis, 2015; Gardner, 2012: 5]. Место и роль детей в данном контексте обозначаются через понятие *contested childhood* или «взросление в условиях миграции», как наиболее точное определение состояния детей мигрантов, которые растут и взрослеют в мигрантском социальном пространстве [Seeberg, Goździak, 2016].

Не следует забывать и о структурных характеристиках детства в условиях миграции. Речь о том, что в каждой стране существуют свои модели семьи и, соответственно, отношения к детям. Иными словами, некоторые ценности транснациональных семей становятся проблемой только в контексте западного европейского общества, для которого семья является единицей национального государства. Например, в Сомали дети — часть больших семейных сетей, где решения, касающиеся детей, принимаются на благо коллектива, и ребенок, оставленный на попечении дальних родственников, не считается брошенным. Но то же самое правило в семьях мигрантов из Сомали для государственной системы принимающей страны Швеции является неприемлемым [Johnsdotter, 2015] и социально безответственным. Определенное влияние на структурные характеристики детства в условиях миграции оказывают отношение принимающего населения к миграции в целом и к иноэтничной миграции в частности, то есть предубеждения, дискриминация и расизм [Rastas, 2009], а также классовые характеристики мигрантов и принимающего населения [Bargłowski, Pustulka, 2018; Parreñas, 2005b; Lopez, 2010].

Проблематика детей мигрантов также актуализируется в исследованиях влияния миграции на благополучие семей переселенцев [Mazzucato, Schans, 2011; Abrego, 2009]. Здесь существуют два почти противоположных мнения. Первое: миграция родителей приводит к ухудшению условий жизни детей, которые, находясь под опекой разных людей, с большей вероятностью оказываются в неблагоприятной ситуации [Schmalzbauer, 2004]. Другие не видят прямой причинно-следственной связи между миграцией и снижением благосостояния семьи. Более того — в некоторых транснациональных семьях уровень благополучия детей выше, чем в тех, где родители не являются мигрантами [Cebotari, Mazzucato, Appiah, 2017].

Забота на расстоянии — еще одна популярная тема в исследованиях детей мигрантов. Она появилась в начале 1980-х годов в рамках изучения гендерных аспектов миграции. Здесь место и роль ребенка в миграции теоретизируются через «треугольник заботы» или взаимодействие между тремя участниками: «оставленными» детьми, родителями-мигрантами и родителями-немигрантами/опекунами или другими людьми, осуществляющими уход. Причем каждая сторона треугольника представляет собой как дискурсивное, так и материальное социальное пространство семейных отношений. Отдельное внимание уделяется стратегиям заботы на расстоянии, создающим ощущение «совместного присутствия», «близости в разлуке» или «виртуальной близости» [Olwig, 1999; Parreñas, 2005a; Wilding, 2006; Tymczuk, 2015; Cebotari, Mazzucato, Appiah, 2017; Suárez-Orozco, Todorova, Louie, 2002], тому, как под влиянием миграции трансформируются практики заботы [Graham et al., 2012; Parreñas, 2001; Parreñas, 2008; Poeze, Dankyi, Mazzucato, 2017], а также различиям в подходах к заботе в разных культурных и социальных контекстах [Johnsdotter, 2015: 93; Bargłowski, Pustulka, 2018]. Тема

заботы рассматривается и в более широком контексте глобального разделения труда. Имеется в виду, что миграционное движение преимущественно с юга на север и с востока на запад приводит к перераспределению «векторов заботы»: в семьях «глобального юга» опекуны воспитывают детей, чьи матери заботятся о детях или родителях «глобального севера» [Kovács, 2018].

Отдельная группа исследований посвящена изучению способов поддержания семейных связей и организации заботы с помощью современных информационных технологий и транснациональных методов коммуникации [Monini, 2018; Fresnoza-Flot, 2018; Veale, Donà, 2014; Parreñas, 2001; Parreñas, 2005a; Wilding, 2006]. Делается вывод, что благодаря мобильным технологиям произошло формирование «транснационального материнства», которое охватывает набор родительских стратегий по воспитанию и развитию эмоциональных связей на расстоянии [Hondagneu-Sotelo, Avila 1997; Parrenas, 2001]. Утверждается, что различные практики заботы на расстоянии создают ощущение эмоциональной близости родителей и детей в ситуации миграции, что совместимо с социальным присутствием и участием [Wilding, 2006; Tymczuk 2015; Carling, Menjívar, Schmalzbauer, 2012]. Противоположное мнение состоит в том, что виртуальная близость не компенсирует физическое разделение, «страдания оставленных детей» — неотъемлемая часть «логики экономики денежных переводов», а разделение с родителями для большинства детей становится травматическим опытом, определяющим характер и эмоциональное состояние несовершеннолетних [Castañeda, Buck, 2011, Baldassar, 2007].

Другое направление изучения заботы о детях мигрантов охватывает исследования распределения родительских ролей, их гендерные и поколенческие различия [Ducu, 2018]. Один из выводов состоит в том, что постепенный рост доли женщин-мигрантов приводит, с одной стороны, к «кризису заботы» [Parreñas, 2005b], с другой — к росту значимости участия мужчин в домашнем хозяйстве и воспитании детей в отправляющих мигрантов обществах [Graham et al., 2012]. Из-за миграции происходит трансформация институтов отцовства и материнства [Hondagneu-Sotelo, 1997; Bargłowski, Pustulka, 2018; Tolstokorova, 2018], а также иногда и изменение ролей детей — в частности, старшие дети начинают выполнять родительские функции для своих младших братьев и сестер [Sørensen, Vammen, 2014; Cebotari, Mazzucato, Appiah, 2017].

Значительное место в исследованиях современной миграции и детей занимают работы, посвященные изучению практик воспитания в транснациональных социальных контекстах. Они включают в себя изучение места и роли владения родным языком и языком принимающей страны, которые в свою очередь рассматриваются как показатель включения детей в национальные и транснациональные социальные пространства [Upegui-Hernandez, 2014: 203], а также как один из показателей сохранения этнической идентификации не только самих несовершеннолетних, но и их родителей [Tyrrell, Gina, 2015; Orellana, 2009; Portes, Rumbaut, 2001]. Идентичности детей мигрантов, живущих как минимум между двумя культурно-этническими наборами практик, описываются с помощью таких понятий, как гибридная, дефисная, трансграничная и бикультурная идентичность [Upegui-Hernandez, 2014].

В целом дети мигрантов рассматриваются как наиболее динамичная часть взаимодействия между этнической идентичностью, интеграцией и транснациональными связями [Vathi, 2011; Rumbaut, 2004]. При этом особое внимание обращается на динамику и особенности воспитания в транснациональном социальном пространстве [Orellana et al., 2001; Carling, Menjívar, Schmalzbauer, 2012], на влияние норм страны эмиграции и принимающей страны на различные поколения мигрантов [Barglowski, 2015].

В американских исследованиях международной миграции также широко обсуждается проблематика, которая, вполне возможно, в ближайшие годы станет актуальна для России. Речь идет об образовательных, социальных и психологических последствиях миграции для студентов и детей, когда они возвращаются в страну происхождения своих родителей [Borjjan et al., 2016].

В целом образование детей мигрантов, особенно родительские стратегии и практики, направленные на образование, взаимодействие по этому поводу с образовательными и другими институтами принимающего общества, а также активность и роль этих институтов в интеграции переселенцев и их детей, относятся к числу наиболее разработанных направлений в зарубежных и отечественных миграционных исследованиях. Более того, в российских исследованиях детей мигрантов данная проблематика лидирует. Во-первых, изучается доступность образовательных услуг, а также интеграция детей мигрантов в школьную среду и успешность этого процесса; анализируются активность государственных и общественных институтов по взаимодействию с детьми мигрантов, а также различные аспекты их учета, социально-демографические характеристики и влияние на изменение школьного и городского пространств [Флоринская, 2012; Александров и др., 2012; Макаров, 2010; Сабирова, Андреева, 2014; Деминцева и др., 2017]. Другая группа работ посвящена различным видам услуг и их доступности детям мигрантов: в частности, в области здравоохранения [Александров и др., 2012], в области досуговых практик и внеучебной активности [Акифьева, 2014; Акифьева, 2015; Сабирова, Андреева, 2014].

В последние годы также появляются работы, посвященные изучению детей мигрантов из транснациональной перспективы, в рамках которой несовершеннолетние рассматриваются как важнейшие транснациональные агенты [Абашин, 2012]. Из этой перспективы анализируются особенности родительства на расстоянии, в том числе транснациональные практики, связывающие родителей и оставшихся дома детей [Темкина, 2005; Борисова, 2016]. В фокусе внимания также осмысление особенностей родительства, родительской заботы и практик заботы о детях на примере трудовых мигрантов из Средней Азии в Санкт-Петербурге [Бредникова, Сабирова, 2015]. Наконец, изучается связь транснациональных контекстов и интеграционных процессов, а именно траектории разных поколений мигрантов с интеграционной и транснациональной точек зрения [Akifyeva, 2015], а также социально-культурная идентификация детей мигрантов с точки зрения их места и роли в интеграции семей переселенцев [Барзгова, 2010].

Таким образом, в настоящее время в российских исследованиях детей мигрантов преобладает изучение особенностей их адаптации и интеграции в российское общество, прежде всего в образовательную среду. И только начинает форми-

роваться направление исследований детей мигрантов из транснациональной перспективы, которая, как представляется, позволяет наиболее комплексно проанализировать миграционные процессы и, в частности, то, каким образом дети создают и/или трансформируют не только свою жизнь и жизнь своих родителей, но и современную миграцию в целом.

В следующей части статьи, публикация которой запланирована в одном из следующих номеров журнала, делается попытка заполнить некоторые исследовательские пробелы в изучении места и роли детей в современной международной миграции в России на примере трудовой миграции из Средней Азии².

Список литературы (References)

Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3—13.

Abashin S. N. (2012) Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism. *Ethnographic Review*. No. 4. P. 3—13. (In Russ.)

Акифьева Р. Н. Досуговые практики и образовательные притязания: взаимосвязь с миграционной историей и ресурсами семьи // Демоскоп Weekly. 2014. № 611—612. URL: <https://publications.hse.ru/articles/134212083> (дата обращения: 20.08.2021).

Akifyeva R. N. (2014) Leisure Practices and Educational Aspirations: Relationship With Migration History and Family Resources. *Demoscope Weekly*. No. 611—612. URL: <https://publications.hse.ru/articles/134212083> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Акифьева Р. Н. Дети и родители-мигранты в Санкт-Петербурге: несогласованные линии поведения // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 117—134. URL: <https://publications.hse.ru/articles/134214079> (дата обращения: 20.08.2021).

Akifieva R. N. (2015) Children and Their Migrant Parents in St. Petersburg: Divergent Lines of Behavior. *Ethnographic Review*. No. 5. P. 117—134. URL: <https://publications.hse.ru/articles/134214079> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Костенко В. В., Савельева С. С., Тенишева К. А. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). 2012.

Alexandrov D. A., Ivanyushina V. A., Kostenko V. V., Savelyeva S. S., Tenisheva K. A. (2012) The State of Children of Migrants in Saint Petersburg. Moscow: United Nations Children's Fund (UNICEF).

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 1999.

Ariès PH. (1999) A L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University.

² Использованы материалы научного проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» при финансовой поддержке РНФ № 14-18-02149 (2014—2016 гг.) и № 14-18-02149-П (2017—2018 гг.), под рук. С. Н. Абашина.

Баразгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С. Противоречия в формировании социокультурной идентичности детей трансграничных мигрантов // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 229—240. URL: <http://hdl.handle.net/10995/18581> (дата обращения: 20.08.2021).

Barazgova E. S., Vandyshev M. N., Likhacheva L. S. (2010) Sociocultural Identity Formation Contradictions in the Transboundary Migrants' Children. *Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities*. No. 1. P. 229—240. URL: <http://hdl.handle.net/10995/18581> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Борисова Е. В. Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 228—245. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/028/borisova.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).

Borisova E. V. (2016) Parenting at a Distance: Transnational Practices in Migrant Families From Tajikistan. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 28. P. 228—245. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/028/borisova.pdf> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Бредникова О. Е., Сабирова Г. А. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127—152. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

Brednikova O. E., Sabirova G. A. (2015) Children in Migrant' Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 26. P. 127—152. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Деминцева Е. Б., Зеленова Д. А., Космидис Е. А., Опарин Д. А. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 80—109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>.

Demintseva E. B., Zelenova D. A., Kosmidis E. A., Oparin D. A. (2017) Adaptation of Migrant Children in the Schools of Moscow and the Moscow Region. *Demographic Review*. Vol. 4. No. 4. P. 80—109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>. (In Russ.)

Деминцева Е. Б., Пешкова В. М. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. № 597—598. URL: <https://publications.hse.ru/articles/127308733> (дата обращения: 20.08.2021).

Demintseva E. B., Peshkova V. M. (2014) Migrants from Central Asia in Moscow. *Demoscope Weekly*. No. 597—598. URL: <https://publications.hse.ru/articles/127308733> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — март 2019 г. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. URL:

<https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (дата обращения: 21.08.2021).

Monthly Monitoring of the Socio-Economic Situation and Well-Being of the Population: 2015 — March 2019. (2019) Moscow: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — август 2019 г. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (дата обращения: 21.08.2021).

Monthly Monitoring of the Socio-Economic Situation and Well-Being of the Population: 2015 — August 2019. (2019) Moscow: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Тюрюкановой Е. В. М.: МАКС Пресс, 2011.

Tyuryukanova E. V. (ed.) (2011) *Women Migrants From the CIS Countries in Russia*. Moscow: MAX Press.

Зайончковская Ж. А., Полетаев Д. А., Флоринская Ю. Ф., Доронина К. А. Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014. № 605—606. URL: <https://publications.hse.ru/articles/141962229> (дата обращения: 21.08.2021).

Zajonchkovskaya J. A., Poletaev D. A., Florinskaya Yu. F., Doronina K. A. (2014) *Migrants Through the Eyes of Muscovites*. *Demoscope Weekly*. No. 605—606. URL: <https://publications.hse.ru/articles/141962229> (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Макаров А. Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 94—101. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Makarov_13.pdf (дата обращения: 21.08.2021).

Makarov A. Ya. (2010) *Specifics of Ethno-Cultural Adaptation Among Migrants' Children in Moscow Schools*. *Sociological Studies*. No. 8. P. 94—101. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Makarov_13.pdf (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. Т. 14. № 6. С. 69—79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>.

Mukomel V. I. (2017) *Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages*. *Statistics and Economics*. Vol. 14. No. 6. P. 69—79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>. (In Russ.)

Сабирова Г. А., Андреева Ю. В. Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 1 С. 170—189. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_1/Sabirova_Andreyeva_2014_1.pdf (дата обращения: 21.08.2021).

Sabirova G.A, Andreeva Yu.V. (2014) School Friends of an Adolescent With Migrant Background. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 17. No. 1. P. 170—189. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_1/Sabirova_Andreyeva_2014_1.pdf (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф. Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп Weekly. 2012. № 515—516. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (дата обращения: 21.08.2021).

Florinskaya Yu.F. (2012) Children of Migrants in Russia: Access to Education and Medicine. *Demoscope Weekly*. No. 515—516. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Abrego L. (2009) Economic Well-Being in Salvadoran Transnational Families: How Gender Affects Remittances Practices. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 71. No. 4. P. 1070—1085. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2009.00653.x>.

Akifyeva R. N. (2015) Children and Parents in the Migration Context: Dissonant or Consonant Trajectories. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 103/HUM/2015. Basic Research Program Working Papers Series: HUMANITIES WP BRP 103/HUM/2015. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2656098>.

Baldassar L. (2007) Transnational Families and the Provision of Moral and Emotional Support: The Relationship Between Truth and Distance. *Identities*. Vol. 14. No. 4. P. 385—409. <https://doi.org/10.1080/10702890701578423>.

Barglowski K., Pustulka P. (2018) Tightening Early Childcare Choices — Gender and Social Class Inequalities Among Polish Mothers in Germany and the UK. *Comparative Migration Studies*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0102-6>.

Barglowski K. (2015) Polish Migrants in Germany: Challenges and Inequalities in Raising Children in Transnational Social Spaces. *COMCAD Working Papers*. No. 131. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-50818-4> (accessed: 21.08.2021).

Borjain A., Muñoz de Cote L. M., van Dijk S., Houde P. (2016) Transnational Children in Mexico: Context of Migration and Adaptation. *Diaspora, Indigenous, and Minority Education*. Vol. 10. No. 1. P. 42—54. <https://doi.org/10.1080/15595692.2015.1084920>.

Carling J., Menjívar C., Schmalzbauer L. (2012) Central Themes in the Study of Transnational Parenthood. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. No. 2. P. 191—217. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.646417>.

Castañeda, E., Buck L. (2011) Remittances, Transnational Parenting, and the Children Left Behind: Economic and Psychological Implications. *The Latin Americanist*. Vol. 55. No. 4. P. 85—110. <https://doi.org/10.1111/j.1557-203x.2011.01136.x>.

Cebotari V., Mazzucato V., Appiah E. A. (2017) A Longitudinal Analysis of Well-Being of Ghanaian Children in Transnational Families. *Child Development*. Vol. 89. No. 5. P. 1768—1785. <https://doi.10.1111/cdev.12879>.

Ducu V. (2018) Afterword: Gender Practices in Transnational Families. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings. International Perspectives on Migration*. Vol. 15. Cham: Springer. P. 191—204. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_12.

Fresnoza-Flot A. (2018) Rethinking Children's Place(S) in Transnational Families: Mobile Childhoods in FilipinO. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings. International Perspectives on Migration*. Vol. 15. Cham: Springer. P. 11—24. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_2.

Gardner K. (2012) Transnational Migration and the Study of Children: An Introduction. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. No. 6. P. 889—912. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.677170>.

Graham E., Jordan L. P., Yeoh B.S, Lam T., Asis M., Su-kamdi. (2012) Transnational Families and the Family Nexus: Perspectives of Indonesian and Filipino Children Left Behind by Migrant Parent(s). *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 44. No. 4. P. 793—815. <https://doi.org/10.1068/a44445>.

Hart J. (2008) Children's Participation and Development: Attending to the Political. *The International Journal of Children's Rights*. Vol. 16. No. 3. P. 407—418. <https://doi.org/10.1163/157181808X311231>.

Hondagneu-Sotelo P, Avila E. (1997) "I'm Here, but I'm There": The Meanings of Latina Transnational Motherhood. *Gender and Society*. Vol. 11. No. 5. P. 548—571. <https://doi.org/10.1177/089124397011005003>.

Huijsmans R. (2011) Child Migration and Questions of Agency. *Development and Change*. Vol. 42. No. 5. P. 1307—1321. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2011.01729.x>.

James A., Prout A. (eds.) (1997) *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. London: Falmer.

Johnsdotter S. (2015) European Somali Children Dumped? On Families, Parents, and Children in a Transnational Context. *European Journal of Social Work*. Vol. 18. No. 1. P. 81—96. <https://doi.org/10.1080/13691457.2013.844682>.

Kovács N. (2018) Transnational Migrant Entrepreneurs' Childcare Practices From the Carers' Perspective: Chinese Children in Hungarian Homes. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings. International Perspectives on Migration*. Vol. 15. Cham: Springer. P. 25—42. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_3.

Levitt P, Schiller N. G. (2004) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *The International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1002—1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x>.

Lopez Rodriguez M. (2010) Migration and a Quest for 'Normalcy'. Polish Migrant Mothers and the Capitalization of Meritocratic Opportunities in the UK. *Social Identities*. Vol. 16. No. 3. P. 339—358. <https://doi.org/10.1080/13504630.2010.482422>.

Mazzucato V., Schans D. (2011) Transnational Families and the Well-Being of Children: Conceptual and Methodological Challenges. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 73. No. 4. P. 704—712. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00840.x>.

Monini C. (2018) Parenting From a Distance: The Shifting Topology of Care in the Net Era. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings*. International Perspectives on Migration. Vol. 15. Cham: Springer. P. 119—136. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_8.

Olwig K. F. (1999) Narratives of the Children Left Behind: Home and Identity in Globalised Caribbean Families. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 25. No. 2. P. 267—284. <https://doi.org/10.1080/1369183X.1999.9976685>.

Orellana M. F., Thorne B., Chee A., Eva Lam W. Sh. (2001) Transnational Childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration. *Social Problems*. Vol. 48. No. 4. P. 572—591. <https://doi.org/10.1525/sp.2001.48.4.572>.

Orellana M. F. (2009) *Translating Childhoods: Immigrant Youth, Language and Culture*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Parreñas R. S. (2001) Mothering From a Distance: Emotions, Gender, and Intergenerational Relations in Filipino Transnational Families. *Feminist Studies*. Vol. 27. No. 2. P. 361—390. <https://doi.org/10.2307/3178765>.

Parreñas R. S. (2005a) Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families. *Global Networks*. Vol. 5. No. 4. P. 317—336. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2005.00122.x>.

Parreñas R. S. (2005b) *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Parreñas R. S. (2008) Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 34. No. 7. P. 1057—1072. <https://doi.org/10.1080/13691830802230356>.

Poeze M., Dankyi E. R., Mazzucato V. (2017) Navigating Transnational Childcare Relationships: Migrant Parents and Their Children's Caregivers in the Origin Country. *Global Networks*. Vol. 17. No. 1. P. 111—129. <https://doi.org/10.1111/glob.12135>.

Portes A., Rumbaut R. G. (2001) *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley, CA: Sage.

Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74—96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.

Punch S. (2012) Studying Transnational Children: A Multi-Sited, Longitudinal, Ethnographic Approach. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. No. 6. P. 1007—1023. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.677181>.

Radziwinowiczovna A. (2014) Children of Sanchez 50 Year Later; Agency of Transnational Children. *Studia Migracyjne — Przegląd Polonijny*. Vol. 3. P. 33—50. URL: <http://www.migracje.uw.edu.pl/publikacje/children-of-sanchez-50-years-later-agency-of-transnational-children-2/> (accessed: 27.08.2021).

Rastas A. (2009) Racism in the Everyday Life of Finnish Children With Transnational Roots. *Barn*. Vol. 1. P. 29—43. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Racism-in-the-everyday-life-of-Finnish-children-Rastas/ffde41c35fe75115aa85498a11557d-087b8c8265> (accessed: 27.08.2021).

Rumbaut R. G. (2004) Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United States. *International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1160—1205. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00232.x>.

Schmalzbauer L. (2004) Searching for Wages and Mothering from Afar: The Case of Honduran Transnational Families. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 5. P. 1317—1331. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00095.x>.

Seeberg M. L., Goździak E. M. (eds.) (2016) *Contested Childhoods: Growing up in Migrancy: Migration, Governance, Identities*. Cham: Springer Open IMISCOE Research Series. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-44610-3>.

Skelton T. (2007) Children, Young People, UNICEF and Participation. *Children's Geographies*. Vol. 5. No. 1—2. P. 165—181. <https://doi.org/10.1080/14733280601108338>.

Sørensen N. N., Vammen I. M. (2014) Who Cares? Transnational Families in Debates on Migration and Development. *New Diversities*. Vol. 16. No. 2. P. 89—108. URL: https://newdiversities.mmg.mpg.de/?page_id=1742 (accessed: 26.08.2021).

Suárez-Orozco C., Todorova I., Louie J. (2002) Making up for Lost Time: The Experience of Separation and Reunification among Immigrant Families. *Family Process*. Vol. 14. No. 4. P. 625—643. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.2002.00625.x>.

Tolstokorova A. (2018) Daddy's Dividends: Modernization of Fatherhood in Transnational Families of Ukrainian Migrant Women. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings. International Perspectives on Migration*. Vol. 15. Cham: Springer. P. 103—118. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_7.

Tymczuk A. (2015) The Temporality of Separation and Togetherness: Ukrainian Children Write about Life in Transnational Families. *Childhoods Today*. Vol. 9. No. 1. P. 1—18.

Tyrrell N., Kallis G. (2015) Children in Transnational Family. In: Laoire C. N., White A., Skelton T. (eds.) *Movement, Mobilities and Journeys. Geographies of Children and Young People*. Vol. 6. Singapore: Migration Springer Science+Business Media. P. 1—18.

Upegui-Hernandez D. (2014) *Growing Up Transnational: Colombian and Dominican Children of Immigrants in New York City (New Americans)*. El Paso, TX: LFB Scholarly Publishing.

Vathi Z. (2011) *The Children of Albanian Migrants in Europe: Ethnic Identity, Transnational Ties and Pathways of Integration*. Thesis/dissertation Doctoral thesis (DPhil), University of Sussex.

Veale A., Donà G. (eds.) (2014) *Child and Youth Migration: Mobility-in-Migration in an Era of Globalization*. New York, NY: Palgrave Macmillan.

Vertovec S. (2009) *Transnationalism*. London, New York: Routledge.

Wilding R. (2006) “Virtual” Intimacies? Families Communicating Across Transnational Contexts. *Global Networks*. Vol. 6. No. 2. P. 125—142. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2006.00137.x>.